

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

Михаил ЯНШИН, народный артист СССР

МОЖНО БЫТЬ, литераторы да еще психологи только и могут сформулировать ответ на вопрос: «Почему люди становятся актерами?» А вопрос этот как назло вечно задают самим же актерам. Я прожил большую и долгую жизнь. Немало повидал и много узнал. Но ответить на этот вопрос и через повесть актерской деятельности не умею. А может быть, это не самый главный вопрос? Может быть, говорить надо о том, что каждый, кто решил посвятить себя многогранному театальному искусству, ищет в самом театре...

Как бы так ни было, но знаю твердо лишь одно: не было бы на свете замечательного актера из Московского Художественного театра и его студии, — ставь бы мне инженером, а не актером. Стал я актером для того, чтобы всегда быть вместе с Художественным театром.

Приходилось мне встречать людей, которые, занимаясь актерской профессией, нывалились на устах, слышу, услышишь и никогда я их не понимал, потому что самому мне ни разу в жизни не пришлось испытать таких странных для художника чувств. Может быть, так происходит оттого, что понятие о Художественном театре всегда представлялось мне шире и глубже, много обмиснее, чем только один МХАТ.

С юных лет МХАТ для меня — это и творчество моих русских талантов — Федора Шаляпина, Марии Ермоловой, Александры Остужева, Леонида Собинова, Антонины Неждановой. Тут нет никакого «красного словца». Так думал всегда К. С. Станиславский. Так оно и есть в действительности: Художественный театр — последний и спутник всемирно русской культуры, рожденного в тревогах за судьбы народные, в заветных мечтах о лучшем будущем.

Пришел я в театр, точнее, во 2-ю студию МХАТа, с открытым сердцем и не мудруствуя лукаво решил эвентуально о своем желании играть роли герцожеского репертуара. Обстановка приемных испытаний была вполне естественной и доброжелательной, что отвечало на мое хотение только открытостию. Я и прочитал вполне откровенно несколько серьезных, герцожеских произведений... Комиссия хотела до слез. Меня валил.

С тех пор ничего не изменилось. Я подхожу и выхожу новой ролью с самых серьезных позиций, а лишь смеюся.

Я упрекнул обо всем этом, чтобы еще раз напомнить читателю, мне не приходится советовать на свою актерскую судьбу.

Но ведь не это главное. Самая большая удача моей жизни — сбывалась мечта всегда быть вместе с Художественным театром.

Здесь я увидел актер, который стал моей творческой совестью на годы жизни. Этим актером был и остается Николай Баталов.

Художественный театр помог мне узнать поближе замечательных людей моего времени — ученых, писателей, врачей, юристов, общественных деятелей. И эту традицию я настоятельно советую развивать каждому уважающему себя театру. Иное общение с людьми разных профессий поистине помогает актеру в развитии своих небесно далеких сразу четыре зарисовки.

Здесь я измучил глубину настоящей творческой дружбы, выкатывал заботы о человеке. Впервые выступившая эту заботу в тот день, когда художественный совет 2-й студии МХАТа отобрал у меня несколько ролей с четкой формулировкой: «Рано. Завтра выйдете».

Художественный театр научил меня уважать заботу людей, в не их служебное положение. Это началось с тех пор, когда от меня, студийца, потребовали относиться к гримерам и костюмерам театра как к старшим товарищам.

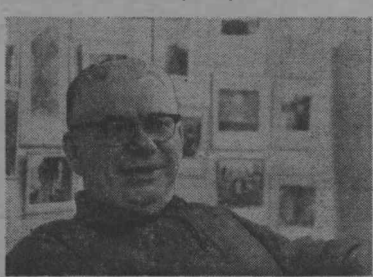
Люди. С них начинался Художественный театр. Но МХАТе времен нашей юности во главу угла премисли поставить не только актерское дарование, но и человеческие качества. Это единственный способ создавать не отдельных художников, а художественный коллектив. Да, мы почти обожаем наших руководителей — К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Но не только личности их, а прежде всего искусство, которому они посвящали служение, которое воспринимал в каждом из нас. Атмосфера содружества, взаимного уважения, взаимозависимости творчеством создавалась не только этими двумя гениальными людьми.

Образцом удивительного внимания, заботы, чуткости к молодежи были В. И. Началов, О. Л. Книппер-Чехова, И. М. Москвин, Л. М. Леонидов, В. В. Луцкий.

«Художественники», как их тогда называли, привлекали к себе дружественное внимание лучших людей своего времени. Я помню, как на квартире Павла Маркова, ныне одного из ведущих историков и теоретиков театра, собрались Вс. Иванов, Ю. Олеся, Д. Шостакович, В. Мейерхольд, братья Эрдыняи, художники и драматурги, и еще множество

интересных людей. Туда приходила и молодежь. Эти встречи никогда не носили характера богемы. Это были встречи людей, нуждающихся в общении друг с другом, стремящихся вместе осмыслить время и место искусства в нем. Я вспоминаю об этом не просто в порядке юбилейных мемуаров. Я хочу, чтобы сегодняшняя молодежь поняла, что ансамбль Художественного театра постоянно питался свежими соками мыслей и чувств лучших чистых интеллигенции своего времени.

Как трудно мне воспринимать распространяющийся в некоторых театрах тип режиссера-диктатора, лишеного чувства уважения к таланту, нервному, потому что труду актера. И как обидно слышать ссылки на то, что К. Станиславский тоже был «дееспотом». У Константина Сергеевича действительно был строгий нрав, когда дело касалось ответственности перед искусством. И можно привести в пример отчаяние О. Л. Книппер-Чеховой, которая оживаясь расстроилась и уехала с репетиции Станиславского, не выдержав его требований. Но Константин Сергеевич назавтра, дав ей успокоиться, прислал на дом актрисе цветы и письмо, в котором объяснял, как дорог ему талант Книппер-Чеховой и как решительно он намерен бороться за высочай-

Михаил Михайлович ЯНШИН.

Фото В. ГАВРИЛОВА

ший расцвет этого таланта. Вся правда в том, что руководители МХАТа регулярно проводили индивидуальные беседы о творческих перспективах каждого актера, и если бы это было постоянное, выслушательное и вместе с тем отечески нежное внимание, мне бы лично никогда не развить в себе начесть актера и режиссера...

Часто приходится слышать: «Блестящий ансамбль студии Художественного театра». И непосвященные думают, что дело тут в совпадении индивидуальностей, в подборе крупных дарований — и только. А если посмотреть глубже?

Вот в нашей современной театральной и кинематографической печати сплошь и рядом говорят о «новом типе» актера, способного к импровизации. Читаю такие статьи и вспоминаю, что не могу различать слов и думать заново «открыть новые земли». Зачем так уж чужиться доброго и гордого понятия о традициях? И стоит ли забывать, что все первооткрыватели, как правило, вовсе не ставили перед собой цели непременно стать первооткрывателями! И уверю вас, если бы мы продолжали развивать сложившиеся традиции, искусство перевоплощения, а не заменяли его малопонятными рассуждениями на тему об «интеллектуальном», рациональном интерпретаторе роли, никому бы в голову не пришло устраивать споры, какое искусство больше протянет — театр, кино или телевидение.

К. С. Станиславский лично следил за тем, чтобы актер не эксплуатировал свои дары, не ездил на «проверенных лошадей», а всегда был способен развить, набирать новое качество.

Однажды он сказал мне: «Вам нужно готовить Гамлета. Играть вы его никогда не будете, но нужно готовить. Тогда вы разучитесь проделывать свои «анимационные» штуки, которые успели полюбиться публике и вы самим».

Вместе с тем нам учитель никогда не был упрямым и не играл в оскорбленное самолюбие, если дело касалось его ошибок.

Помню поучительный эпизод. Станиславский на репетиции «Дней Турбинных» предложил мне исполнить несколько задач, которые я расценил как трюки, потому что они не вписались в мое ощущение образа. Константин Сергеевич настаивал. Я, холодея от собственной наглости, упирался. Тогда Станиславский стал репетировать с другими актерами, а я продолжал сидеть на сцене. Впрочем, обо мне он не забывал, то и дело бросая в мою сторону:

— Не я, ты ритмо сидишь.

Он был очень недоволен мной, и я подумал о том, что теперь уже никогда не восстановлю мои добрые отношения с этим дорогим для меня человеком, что, должно быть, театр расстанется со мной.

Назавтра, перед спектаклем, Константин Сергеевич вышел в комнату, где я гримировался, я встал перед ним, ожидая разговора.

— Садитесь. Гримироваться. И слушайте меня! — вынул Станиславский. — Все, что я буду говорить, очень важно!

Я, как умел, выполнил его требования.

— Так вот, — продолжал он, — все, что я говорил вчера, забудьте. Вы были правы. Я неправ...

После этого разговора он появился на каждом спектакле и стоял либо в кулисах, либо в зрительном зале. Он наблюдал за нами пристально. И я всякий раз ждал, словно награды, его появления, пока с удовлетворением не убеждался, что гленибудь острит его великолепная седая голова... Вот нам любил и ценил актеров великий режиссер. И вот о чем имеет смысл помнить тем, кто пытается спрятать свое равнодушие к актеру за могучий авторитет Станиславского.

У создателей Художественного театра нужно учиться и учиться самоотверженности в искусстве. Мы так мало говорим и задумываемся над ним. Не потому ли некоторые режиссеры, балуясь на досуге писанием не очень зрелых пьес, с изысканной смелостью ставят эти пьесы на сценах солидных театров? Этим, конечно, недоволен был Немирович-Данченко. Немирович-Данченко был довольно популярным драматургом своего времени. Его пьесы шли во многих столичных и провинциальных театрах России. Лишь в одном театре они не ставились никогда — в Московском Художественном, директором и основателем которого был Немирович-Данченко.

Я ощущаю себя неоплатным должником театра, который пробудил во мне актера и режиссера и воспитал эти качества, и по сей день их воспитываю. И каждый год огорчаюсь, когда читаю и слышу, как в паузе между двумя сезонами происходит великое переселение талантов режиссеров и актеров из одного коллектива в другой. Я не беру на себя смелость разбираться в причинах такого явления, но твердо убежден, что оно — одно из самых серьезных зол для искусства. И совсем уж удивительно, что мы не воспринимает эту хроническую потерю мест актеров как событие чрезвычайное.

Вот протяжении семидесятилетней истории МХАТа было всякое. Были и спады, и полосу неудач, и сомнения. Но именно в эти периоды я чувствовал, что нет таких сил, которые могли встать мне поминуть родной театр.

Художественный театр создал современное искусство — от этого нигде не уйдешь, а те, кто пытается сегодня заслонить это здание замками, насмех построеными на песке, неизбежно обречены: у таких «новаторов» нет будущего, даже если их новации очень талантливы. Новаторство МХАТа строилось на традициях и новшествах. И мы не забываем, что, например, мысль Станиславского о постоянстве «Женитбы Фигаро» как народной комедии казалась нам поначалу наивной затеей. Мы посмеивались, а он был убежден и настаивал на своем. Он бесстрашно забрала язычные эскизы Головкина и ездил по театрам и театральным клубам, чтобы вся картина была перенесена на дворца графа Альма-Виде на задний двор. В результате возникла прославленная народная сцена — шедевр театральной режиссуры.

И еще одно качество Художественного театра необходимо оценить сегодня. Ради единой цели, главной мысли, идеи спектакля здесь умели отказываться от украшений, самых впечатляющих. В этом, пожалуй, высшее искусство.

Так поступали наши руководители, так учили поступать и нас, актеры.

— В чем дело? — тревожно спрашивал порой Станиславский. Почему публика принимает больше, чем надо?

У нас есть краски и ярче, — любил он говорить. — Но не спешите их реализовать — будьте сдержаннее. Иначе задержите действие спектакля, его логику, его ритм.

Требовательность Художественного театра воспитала и стиль критики, серьезный, товарищеский, но в первую очередь честный. «Объективный» всегда ценнее, чем лезть другим. Честно говоря, могу лишь сожалеть о том сейчас, видя, как безудержно захватывающе у нас спектакли совсем еще неопределенных творческих коллективов. Да и на себе испытывать в полной мере «медвежий услуги» хронический благожелательный критики. Много лет я не читал серьезных разборов своих работ, хотя сам способен разглядеть в них пропавшие недостатки.

Но потому ли некоторые на корифеях сцены так самоуверенно делают не то и не так? Не потому ли раньше заката меркнул актерские индивидуальности? А ведь в нашем возрасте, особенно, должны быть дороги критические замечания, какими бы совершенными ни казались наши работы зрителям и самим себе.

И если меня спросят, что же я хочу пожелать Художественному театру в его семидесятилетие, я отвечу только одним словом — «Объективный». Восстановить до конца объективные суждения о его творчестве, об идеино-художественном уровне спектаклей, каждой режиссерской и актерской работы в них — вот лучший подарок юбилею МХАТа СССР имени М. Горького.